

Анна Наумова

НАЦИОНАЛЬНОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ И ФОЛЬКЛОР В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ИВО АНДРИЧА

В эпоху всеобщей интеграции и унификации в различных сферах обнаруживается тенденция к нивелированию национального своеобразия. Особость культуры отдельного народа на уровне его внешних атрибутов всё-таки признается и даже вроде бы поддерживается. А разночтения на уровне национального мировоззрения чаще игнорируются под предлогом продвижения общегуманистических ценностей и всеобщих прав человека. При всей значимости последних совершенно очевидно, что различия в национальном мироотражении отдельных этносов сейчас тоже играют огромную роль и зачастую приходят в столкновение. Это подтверждается как отдельными произведениями литературы и искусства, так и опытом прошлой и современной истории.

Абсолютно естественным нам представляется то, что совокупность факторов этногенеза обуславливает определённую систему ценностей, в рамках которой живет тот или иной народ. И эти ценности, будучи несхожими, а в некоторых случаях и противопоставленными, могут сталкиваться при сопряжении с государственной идеологией, что ведёт к отсутствию взаимопонимания, а порой и к войнам. Правовая база той или иной страны, то есть совокупность представлений народа о том, что разрешено, а что запрещено, а также видение им перспектив своего развития не может быть обусловлено лишь абстрактными гуманистическими ценностями. Это всегда уходит корнями в историю, неизбежно и вполне закономерно связано с вероисповеданием, а также традициями. Ясно, что понятия о дозволенном и недозволенном в мусульманской стране и христианском государстве будут различаться. Рассматривая систему взглядов на мир определенного народа, следует обратить особое внимание на его фольклорное наследие, где, несмотря на некоторую специфику художественных форм, выражена чуть ли не вся система ценностей и ориентиров этноса. Уже в народном устно-поэтическом творчестве заложены базовые основы видения пути своего развития, которые и на этом этапе

могут вступать в непримиримые противоречия с мировоззрением другого народа.

Мы попытаемся это проследить на примере творчества Иво Андрича, сербского писателя, который в своих произведениях глубоко вникает в проблемы межнациональных отношений на Балканах. В этом регионе издавна совместно проживают народы, исповедующие разные религии.

Фольклорные элементы, используемые Андричем в своих произведениях, мы пробовали выявить ранее [5]. Здесь же попытаемся проследить, какую роль фольклор и мифология играют в национальной идеологии и как их различная интерпретация может повлиять на взаимопонимание между народами.

Обратимся к роману автора «Мост на Дрине». Его содержание свидетельствует, что одно и то же явление окружающей действительности вышеградцы различного вероисповедания объясняют совершенно по-разному. Сербские дети верят, что *«круглые выемки, идущие попарно с правильными интервалами, словно врезанный в камень отпечаток копыт какого-то гигантского коня сверхъестественной мощи»*, – это следы копыт Шараца, волшебного коня легендарного Королевича Марко, героя эпических песен, одного из защитников сербов в борьбе против турок. Дети мусульман уверены, что здесь *«промчался на своей крылатой арабской кобыле сам Джержелез Алия»* [2, 387], легендарный герой мусульманского фольклора в Боснии.

У героев романа также нет единого мнения о том, что собой представляет земляной холм, своеобразный рубеж, граница ребяческих игр у моста. Сербы-православные говорят о могиле богатыря Радисава, не покорившегося туркам и оставшегося в памяти своего народа героем-предводителем. Они верят, что *«раз в году ночью с неба падает на холм сноп яркого света»* [2, 388]. Потурченцы же, со своей стороны, хранят легенду, что на этом месте в давние времена, *«отстаивая переправу через Дрину от войска неверных, пал геройской смертью дервиш шейх Турхания»* [2, 388], один из героев турецкого эпоса.

Люди издавна пытались объяснить окружающие явления и события, что отразилось в мифологии и фольклоре народа. Андрич обращает на это внимание читателя как на фактор прививаемых с самого детства априорных расхождений в национальной идеологии. Королевич Марко или Алия Джержелез – в этой антиномии выражена целая политическая стратегия, противопоставляющая ожидания одних по освобождению от оккупации хозяйским претензиям других на эти земли.

Особое место в романе «Мост на Дрине» занимают безымянные героичерногорцы, исполнители фольклорных произведений. Они упоминаются в романе дважды, и в обоих случаях их образы связаны с народной песней, которая в условиях жизни под иноземным владычеством символизировала храбрость и гордость людей. Уже портрет черногорца-гуслира, заставившего сербов с замиранием сердца слушать его песню, отражает всю внутреннюю силу народа и предвосхищает его будущее освобождение. А сама песня –

даже нечто большее, чем национальный гимн. Это символ верности своей Родине, эмоциональная квинтэссенция всех идей, чаяний и ожиданий народа. Герои народных песен остаются в памяти людей защитниками от притеснений иноземцев, образцом истинной духовности и носителями национальной гордости.

«<...> Когда черногорец добился полного созвучия голоса и гуслей, он энергично и гордо откинул назад голову, так что адамово яблоко выступило на его тощей шее и резкий профиль четко обозначился в отблесках догоравшего костра, и, испустив приглушенное и протяжное „аааааааа!“, сразу взял сильно и отдельно:

*Уж как в Призрене в царской вотчине
Сербский царь Стефан на пиру сидит,
Именитых вельмож и гостей поит;
Собрались вокруг него старейшины,
Патриархи и девять епископов.
А за ними по чину двадцать визирей,
Бунчуками тройными увенчанных,
Их Мияло-монах обносит винами.
И блестят каменья драгоценные
На груди красавицы Кандосии» [2, 402].*

У слушающих его песню сербов *«по коже пробегают мурашки, спины выпрямляются, плечи расправляются, глаза горят, пальцы растопыриваются и сжимаются в кулак, напряженно сводятся скулы»*. *«Очарованные, безучастные ко всему прочему»*, они *«уносятся вдаль, вслед за песней, словно она рассказывает им собственную прекрасную и светлую судьбу»* [2, 403]. В этой детали проявляются многие типичные черты этноса или, по крайней мере, их видение писателем. Очевиден несомненный потенциал готовности к борьбе, который не может полноценно реализоваться в данной исторической обстановке.

Герой-черногорец ту же роль исполняет и в период австрийской истории Боснии. Это гусляр, *«схимнически изможденный, в отрепьях, но полный достоинства, с открытым взглядом: изголодавшийся, но щепетильный; гордый, но вынужденный побираться»* [2, 545]. В образе черногорца снова представлены национальные черты народа, его потенциальная гордость и сила. Песня мгновенно преобразует самого певца (*«отброшена мучительная робость, исчезли внутренние противоречия, позабылись все невзгоды»*) и до глубины души пронизывает *«каждого здесь находившегося независимо от того, турок он или серб»* [2, 546]. Все умолкают и слушают песню, слова которой у каждого вызывают свои мысли, в зависимости от его национальности, веры и личного опыта. *«И только на зеркальной поверхности ракии в стоящей перед ними чарке их неподвижным взором являлись блистательные победы, сражения, героизм и слава, до сей поры не виданные миром»* [2, 546].

Подобное противостояние цивилизаций прослеживается и в других произведениях писателя, а также в том, как эти произведения

воспринимаются современными критиками. Многие из них придираются к «мифологичности» произведений Андрича. По их мнению, она служит идее «великосербскости», приверженцем которой будто бы являлся Андрич. Точнее говоря, своими произведениями он не просто мифологизировал сербскую духовную традицию, но еще и «деифологизировал» чисто боснийские народные образы [6, 230]. Речь идет в первую очередь об Алии Джерзелезе.

Алия Джерзелез – боснийский герой, о котором издавна пелось много песен и ходило много легенд. Считалось, что он обладал необычайной силой, полученной от вилы за спасение ее ребенка от палящего солнца. Участвовал в важной битве и спас войско своего правителя Хусрев-бега от грозящего поражения, внезапно вступив в битву верхом на крылатом коне. Сохранились предания о его семье, о смерти его несправедливо оклеветанной сестры, о березе, росшей до недавнего времени около Киселяка, повреждения на которой принадлежали еще булаве самого Алии Джерзелеза, а также о том, как он погиб. Есть сведения об Алии Джерзелезе как реально существовавшей исторической личности – *Герз-Ельас* [4, 127–131].

А в рассказе Иво Андрича «Путь Алии Джерзелеза» этот возвышенный мифологический образ представляется иным. Создается впечатление, что автор нарочно снижает его – из всенародно почитаемого героя Алии Джерзелез превращается в жалкое существо, предмет насмешек, носителя низменных страстей.

О нем ходила молва, и все знали его как мужественного и сильного человека: *«На постоялом дворе его встретило молчание, исполненное восхищения и почтительного уважения. У него была слава победителя многих поединков, сила его приводила в трепет. Все знали о нем, но мало кто видел, потому что молодость свою он провел на коне между Травником и Стамбулом»* [1, 18].

Андрич таким суждением, пожалуй, умышленно возводит Алию на бóльшую высоту в глазах читателя, чтобы контраст между слухами и действительностью казался более отчетливым. Но затем он почти сразу низвергает народного героя, деифологизирует его: *«Гости кинулись к воротам. Слуги приняли коня. Джерзелез спрыгнул на землю, и тут все увидели, что он мал ростом, приземист, неуклюж и ходит раскорякой, как все люди, которые не привыкли ходить пешком. Руки у него были несоразмерно длинные»* [1, 18].

Конь служил своего рода пьедесталом, и после того как Алия с него спустился, *«страх и уважение у встречавших словно рукой сняло»* [1, 18].

Со временем *«волишебный ореол вокруг Джерзелеза совсем развеялся»*, и герой стал совсем смешным в глазах читателя. Даже слуги издеваются над ним, строят ему рожи за глаза. Алия влюбляется в прекрасную венецианку. Однако он настолько глуп в своем чувстве, что все над ним подшучивают, используют его слабость как предмет насмешек и балагурства; за ним закрепляются прозвища *«осел»*, *«ослице»*.

Впрочем, и душевное состояние героя, его внутренние муки никак не соответствуют возвышенному образу народного идеала: *«Он никак не мог прийти в себя. Ему хотелось кого-то лупить, спросить кого-нибудь, что с ним случилось, но черная мгла заволокла небо, и в этом ночном безлюдье не с кем было сражаться и некого спрашивать»* [1, 28].

Подобно Андрич обходится и с образами братьев Моричей, о которых также сложено много легенд, преданий, народных песен. Однако единства мнений о том, кем были эти люди, в фольклоре боснийцев нет. Данные преданий, баллад и песен о них расходятся. В преданиях Мехмен и Ибрахим Моричи представлены как отрицательные персонажи, насильники, тираны, а в песнях – защитники Отечества, борцы за свободу Боснии от турецкой власти и защитники обездоленных. Известные сюжеты, связанные с этими героями, – судьба их матери Амины и казнь их самих [4, 142–144].

А в произведении «Путь Алии Джержелеза» Моричи – *«щеголи и моты, наглые, без стыда и совести, пользовались дурной славой»* [1, 23]. Здесь также очевидна демифологизация.

Герои этого произведения, известные из устных преданий и воспетые в народной поэзии, под пером Иво Андрича приобретают совсем иные характеристики. Осмелиться на такое, как полагают представители боснийской литературы, – значит поступиться духовной традицией народа.

Вокруг образа Алии Джержелеза в свое время было множество споров. Один из исследователей этой проблемы, М. Маглайлич, закономерно задается вопросом: почему же Андрич подобным же образом не демифологизировал Марко Королевича? А Расим Муминович утверждает, что писатель, выражая таким образом свою позицию, в целом демонстрирует неприятие самого ислама [6, 231–233]. Налицо противостояние систем национального мировоззрения, выраженных в фольклорной традиции.

Однако Миролуб Евтич в своей работе «Ислам у делу Иве Андрића» («Ислам в произведениях Иво Андрича») указывает на то, что расценивать демифологизацию таких персонажей как антимусульманскую тенденцию бессмысленно [3, 11–12]. Подобная переработка образов издавна характерна для художественной литературы и вовсе не может интерпретироваться как нечто негативное.

Таким образом, мы видим, что элементы национальной мифологии и мотивы фольклора на современном этапе также являются репрезентативными составляющими национального мировоззрения. Иво Андрич в своих произведениях показал, что они могут вступать в открытые противоречия с аналогичными традициями другого народа. Такие различия нельзя игнорировать: крайне опасны попытки их искусственно нивелировать, ибо, когда дело касается фундаментальных основ национального мировоззрения, нежелание учитывать их может привести к непоправимым последствиям. Уважая право каждого из нас на особость при взаимном соблюдении интересов, эти расхождения важно осознавать. И обращение к такой архаичной форме самовыражения, как фольклор, помогает нам глубже осмыслить данную проблему для её эффективного решения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Андрич, И.* Повести и рассказы / И. Андрич. – М. : Радуга, 1983. – 496 с.
2. *Андрич, И.* Травничка хроника. Мост на Дрине / И. Андрич. – М. : Художественная литература, 1974. – 686 с.
3. *Јевтић, М.* Ислам у делу Иве Андрића. / М. Јевтић. – Београд : Просвета Интернационал, 2000. – 321 с.
4. Легенде из старог Сарајева / приредио Влајко Палавестра // Свеске Задужбине Иве Андрића, 16. – Београд : Задужбина Иве Андрића, 2002. – С. 99–158.
5. *Наумова, А.* Фолклор и мифологија у романе Иво Андрича «Мост на Дрине» / А. Наумова // Фолклористички даследавања : Кантэкст. Типологија. Сувази : зб. науч. арт. / пад. нав. ред. Р. М. Кавалёвай ; уклад. В. В. Прямка, Н. Л. Канабева; БДУ. – Минск : Права і еканоміка, 2014. – Вып. 11. – С. 175 – 180.
6. *Тутњевеић, С.* Андрић и муслимани (о једном виду рецепције дјела Иве Андрића) / С. Тутњевеић // Свеске Задужбине Иве Андрића, 19. – Београд : Задужбина Иве Андрића, 2002. – С. 221 – 236.